



Сергей Патрушев

Ночь королевы
у Дракона

Сергей Патрушев

Ночь королевы у Дракона

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ночь королевы у Дракона / С. Патрушев — «Автор», 2026

Юная королева Белла, запертая в золотой клетке дворцового этикета и бесконечных церемоний, задыхается от тоски и одиночества. Вспомнив древнюю легенду о драконе Ичиге, который каждую ночь превращается в мужчину в поисках единственной, способной покорить его сердце, она решается на отчаянный побег. Оставив корону и прежнюю жизнь, Белла отправляется в Драконьи горы навстречу неизведанному. У лунного озера она встречает того, кого искала, но их любовь, вспыхнувшая с невероятной силой, оказывается под угрозой: в столице зреет заговор и амбициозный кузен Беллы, герцог Реймон, готов на всё, чтобы завладеть тронном. Королеве предстоит сделать выбор между долгом и свободой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Золотая клетка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Ночь королевы у Дракона

Глава 1: Золотая клетка

Золото имело вкус пыли. Не той пыли, что клубится над проселочными дорогами в летний зной, и не той, что собирается на страницах забытых книг в библиотеках, а совершенно особой, изысканной, пропитанной запахом старины и церемониальной скуки пыли, которая оседает на всем, к чему не прикасается живая человеческая душа. Белла знала этот вкус наверняка, хотя никогда, разумеется, не пробовала золото на язык — подобная мысль показалась бы кощунственной любому обитателю дворца, от последнего конюха до первого министра. Но каждый раз, когда утреннее или полуденное солнце, пробиваясь сквозь высокие стрельчатые окна тронного зала, заставляло миллионы отполированных до зеркального блеска поверхностей вспыхивать ослепительным, почти невыносимым для глаз пожаром, она ощущала во рту именно этот привкус. Сухой, безжизненный, лишенный каких бы то ни было оттенков и нюансов, он напоминал ей страницы древних фолиантов, которые она тайком читала по ночам при свете одинокой свечи, или же вкус тех безвкусных облатков, которые придворный лекарь прописывал ей в детстве от мнимых болезней, порожденных, как она теперь понимала, лишь непереносимой скукой.

Этот привкус был вкусом её жизни. Вкусом её королевства. Вкусом её собственной, выкованной из драгоценных металлов, общественного долга и бесконечных протокольных условностей, темницы, позолоченной столь щедро, что порой начинало казаться, будто за этой позолотой уже не осталось ничего настоящего. Золото, серебро, драгоценные камни, шелка, бархат, парча — все это окружало её с рождения, окутывало, словно роскошный саван, и с каждым годом пелена становилась все плотнее, все удушливее, пока наконец не превратилась в непроницаемый кокон, из которого, казалось, не было выхода.

Сегодняшний день был особенно тягостным, одним из тех дней, которые сливались в её памяти в бесконечную, монотонную череду, лишенную каких-либо запоминающихся деталей и событий. Советники, облаченные в свои неизменные мантии цвета запекшейся крови и воронова крыла — цвета власти, траура и тайного могущества, — сменяли друг друга с удивительной регулярностью, и их голоса, то высокие и визгливые, то низкие и вкрадчивые, сливались в один непрерывный, гудящий, раздражающий шум, похожий на жужжание потревоженного пчелиного улья или на навязчивое бормотание заевшего механизма. Они говорили о вещах, которые, по их мнению, имели первостепенную важность: о налогах на шелк, которые следовало то ли повысить, то ли понизить, то ли оставить без изменений, и каждый из советников имел на этот счет собственное, разумеется, единственно верное, мнение; о неурожае в восточных провинциях, где, по слухам, уже начинался голод, и о необходимости отправить туда зерно из королевских запасов, что неминуемо должно было ударить по казне; о необходимости укрепить южные границы, поскольку разведчики доносили о подозрительных передвижениях кочевых племен, чьи намерения оставались неясными, но внушали серьезные опасения.

Белла сидела на троне из резного черного дерева, инкрустированного сапфирами, которые, как утверждали ювелиры, были добыты в самых глубоких и опасных шахтах северных гор. Спину она держала неестественно прямо, подбородок был приподнят ровно настолько,

чтобы выражать достоинство, но не казаться высокомерным, а взгляд — устремлен куда-то поверх голов советников, в ту точку пространства, где между тяжелыми бархатными портьерами цвета запекшейся вишни открывался узкий просвет, позволявший видеть клочок неба. Она научилась этому искусству — присутствовать телом, но отсутствовать душой, — еще в раннем детстве, когда её, десятилетнюю девочку с растрепанными косами и исцарапанными коленками, впервые насильно усадили на это жесткое, неудобное, холодное сиденье и велели «слушать и учиться мудрости управления государством». Она тогда не понимала ни слова из того, что говорили эти важные, усатые, бородатые мужчины, и лишь изо всех сил старалась не заплакать от ужаса и отчаяния, глядя на суровое лицо своего отца, короля, который казался ей тогда не родным человеком, а каким-то чужим, далеким, недостижимым божеством.

С тех пор прошло двенадцать лет. Двенадцать долгих, пустых, как высохшие колодцы, лет. Обещанная мудрость так и не пришла, сколько бы она ни прислушивалась к советникам и ни вчитывалась в труды древних философов, которыми была забита дворцовая библиотека. Вместо мудрости пришло нечто иное — мастерство идеального, отточенного до совершенства притворства, умение носить маску, которая стала её вторым, а может быть, и первым, истинным лицом. Она научилась кивать в нужных местах, даже не вслушиваясь в суть произносимых речей; хмуриться, когда речь заходила о проблемах и бедствиях, постигших ту или иную часть её королевства; изображать глубокую, сосредоточенную задумчивость, когда требовалось принять решение, которое, по сути, уже было принято за неё советом, а ей оставалось лишь утвердить его, придав видимость собственной воли тому, что было предопределено заранее.

Её называли Беллой Прекрасной, и это прозвище, некогда льстившее её юному самолюбию, теперь вызывало лишь глухое раздражение. Её называли Беллой Мудрой, и это звание казалось ей насмешкой, горькой иронией судьбы, ибо она-то лучше всех знала, сколь мало мудрости в её решениях и сколь много в них простого следования заведенному порядку. Барды при дворе и странствующие менестрели слагали о ней песни, полные высокопарных эпитетов и цветистых метафор, воспевая её несравненную красоту, её проницательный ум, её доброе и справедливое сердце. Художники со всех концов королевства и даже из-за его пределов стремились получить дозволение запечатлеть её образ на холсте или в мраморе, и их творения, изображавшие молодую женщину с холодными сапфировыми глазами и безупречными чертами лица, украшали теперь залы дворца и дома знатнейших вельмож.

Но никто из этих певцов и живописцев, никто из этих льстецов и поклонников не знал и не догадывался о том, что скрывается за этим прекрасным, невозмутимым, безупречным фасадом. Никто не видел, что за холодными сапфировыми глазами, которые они так старательно копировали в своих произведениях, скрывается лишь бесконечная, звенящая, леденящая душу пустота. Пустота, которую не могли заполнить ни роскошь, ни власть, ни поклонение, ни лесть. Скука, смешанная с глухим, беспричинным отчаянием, стала её постоянным спутником, невидимой мантией, которая давила на плечи сильнее, чем любая парча, расшитая золотом и жемчугом.

Когда последний из советников, старик с седой бородой и водянистыми глазами, отвесив церемонный поклон, наконец покинул зал, и тяжелые дубовые двери, украшенные искусной резьбой, закрылись за ним с глухим, протяжным стуком, отдавшимся эхом под высокими сводами, Белла позволила себе выдохнуть. Это был не просто вздох облегчения, а нечто большее — глубокий, судорожный, почти болезненный выдох, словно она долгое время находилась под водой и лишь теперь сумела вынырнуть на поверхность, глотнув спасительного воздуха. Плечи её, до этого момента удерживаемые неестественно прямо волевым усилием, слегка опустились,

а идеальная, выверенная до мельчайших деталей осанка сменилась позой смертельно, неизбывно уставшего человека, несущего на себе бремя, которое не под силу выдержать простому смертному.

Она медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой толщи воды, поднялась с трона. Движения её были плавными, отточенными годами практики, но в них чувствовалась какая-то затаенная скованность, словно невидимые нити, привязанные к её запястьям и лодыжкам, направляли каждый её жест. Она направилась в свои личные покои, ступая по мраморному полу, отполированному до такой степени, что он казался зеркальной гладью замерзшего озера, отражающей её собственную фигуру, искаженную и призрачную.

Дворец был огромен, невообразимо, подавляюще огромен. Это был целый город, заключенный в мощные каменные стены, целый мир, живущий по своим собственным, неписаным, но непреложным законам. Лабиринт коридоров, переходов, галерей, залов, приемных, внутренних двориков и винтовых лестниц простирался во всех направлениях, и, несмотря на то, что Белла прожила здесь всю свою жизнь, она не была уверена, что знает все его уголки и закоулки. Каждый её шаг отдавался гулким, одиноким эхом, которое, отражаясь от мраморных полов и высоких сводчатых потолков, расписанных фресками с изображением славных побед её предков, казалось, преследовало её, напоминая о том, что она здесь — лишь пленница, пусть и высокородная.

Она проходила мимо бесконечных портретов, развешанных по стенам в тяжелых золоченых рамах. Короли и королевы прошлого, облаченные в парадные одеяния, с коронами на головах и скипетрами в руках, взирали на неё с высоты своего положения с гордостью, укором или же ледяным, безразличным равнодушием. Их глаза, написанные маслом, казались живыми, следящими за каждым её движением, и в этих взглядах ей чудился немой вопрос, который она не осмеливалась даже сформулировать для самой себя: достойна ли она того места, которое занимает? Справится ли она с той ношей, которую взвалила на неё судьба? Их лица, застывшие в вечном, торжественном покое, напоминали ей о том, что она — лишь звено в длинной цепи поколений, последняя из великой династии, и её главная задача, её священный долг — не посрамить этот древний, прославленный род, не дать угаснуть его славе.

Роскошь, окружавшая её, была не просто избыточной — она была подавляющей, удушающей, всепоглощающей. Гобелены, вытканые золотыми и серебряными нитями на станках, доставленных из далеких восточных стран, изображали сцены охоты, мифических существ, битвы и триумфы. Их сюжеты были полны движения и жизни, но сама ткань казалась мертвой, тяжелой, пропитанной пылью веков. Вазы из тончайшего китайского фарфора, привезенные за баснословные деньги по Великому шелковому пути, стояли в нишах и на мраморных постаментах, словно безмолвные, хрупкие стражи, охраняющие покой этого места. Их глазурованная поверхность, расписанная сценами из жизни неведомых восточных народов, мерцала в полумраке коридоров, и Белле порой казалось, что она слышит исходящий от них едва уловимый звон, словно это были не вазы, а хрустальные колокольчики, задетые дуновением несущего ветра.

Люстры из горного хрусталя, свисавшие с высоких потолков на толстых, позолоченных цепях, разбрасывали вокруг миллионы радужных бликов, которые плясали на стенах, на полу, на поверхности зеркал, создавая иллюзию непрерывного движения в этом застывшем, неподвижном мире. Но это движение было обманчивым, призрачным, лишенным жизни, подобно игре света на гранях драгоценных камней в королевской сокровищнице.

И во всем этом великолепии, во всей этой ослепительной, кричащей роскоши Белла чувствовала себя не правительницей, не хозяйкой, а затерянной, крошечной, ничтожной песчинкой, случайно попавшей в механизм гигантских часов. Она проходила сквозь анфилады комнат, одна роскошнее другой, и тишина дворца, нарушаемая лишь шелестом её шелкового платья и тихим, крадущимся шорохом её шагов, была единственным ответом на её невысказанные вопросы. Вопросы, которые она не решалась задать не только вслух, но даже самой себе, ибо они могли разрушить тот хрупкий, иллюзорный порядок, который она с таким трудом поддерживала в своей душе.

Слуги, попадавшие на её пути, низко кланялись, едва ли не касаясь лбами пола, и боялись поднять глаза. Они видели лишь образ — прекрасную, недостижимую королеву в тяжелом одеянии, расшитом жемчугом и драгоценными камнями, с короной, венчающей уложенные в замысловатую, многоярусную прическу волосы цвета воронова крыла. Они видели символ власти, икону, воплощение королевского достоинства, но не видели живого человека, скрывающегося за этим образом. Они не видели, как дрожат её руки, сжимающие подол платья, как ноет её сердце от необъяснимой, всепоглощающей тоски, как пусто и холодно у неё на душе. Она была для них иконой, символом, но не живым человеком, и это одиночество среди толпы, это отчуждение среди самых близких, казалось бы, людей было самым тяжелым, самым невыносимым испытанием из всех, что выпали на её долю.

Добравшись, наконец, до своих личных покоев, она отпустила фрейлин, которые тут же засуетились вокруг неё, предлагая помощь, расспрашивая о самочувствии, стремясь предугадать малейшее её желание. Их внимание, их услужливость, их готовность исполнить любой каприз не трогали её, а лишь усугубляли ощущение собственного одиночества. Они не были её подругами, они были её слугами, и пропасть, разделявшая их, была непреодолима, как бы она ни пыталась её сократить. Ей хотелось побыть одной. Наконец-то одной, без этих вездесущих, всевидящих, всезнающих глаз, без этого назойливого внимания, без этой удушающей заботы.

Когда дверь закрылась за последней служанкой, и звук её шагов затих в отдалении, Белла подошла к окну. Это было огромное, от пола до потолка, венецианское окно, состоящее из множества мелких стекол, вставленных в свинцовый переплет. Оно выходило на север, в сторону горного массива, который темной, зубчатой, неровной стеной возвышался на горизонте, отделяя её королевство от остального мира. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в невероятные, почти неправдоподобные оттенки пурпура, алого, багряного и расплавленного золота. Облака, подсвеченные снизу уходящим за горизонт светилом, казались огромными, фантастическими островами, парящими в огненном море, и их очертания постоянно менялись, принимая формы то диковинных зверей, то сказочных замков, то неведомых кораблей.

Белла прижалась лбом к прохладному, гладкому стеклу, и её дыхание тут же оставило на нем матовый, туманный след, который медленно рассеивался, исчезая, словно призрак. Горы. Далекие, дикие, недостижимые. Они манили её, притягивали, обещая свободу, которой она никогда не знала. Свободу не только физическую, но и духовную, свободу от этикета, от протокола, от бесконечных церемоний и условностей, свободу быть самой собой, а не тем образом, который от неё ожидали увидеть. Там, среди острых пиков и глубоких, темных ущелий, среди вечных снегов и каменистых осыпей, не было ни советников, ни фрейлин, ни удушающей роскоши, ни ненавистного золота. Там был только ветер, пронзительный и чистый, камень, древний и незыблемый, и небо, бескрайнее и вечное. Там, как ей казалось, она могла бы наконец

вздохнуть полной грудью, не боясь нарушить своим дыханием хрупкий покой дворцового этикета.

Именно в этот момент, когда последние лучи заходящего солнца исчезли за острыми вершинами, уступая место стремительно сгущающимся сумеркам, когда небо из огненно-алого стало превращаться в глубокий, бархатисто-фиолетовый цвет, в её памяти, словно из глубокого, затянутого тиной колодца, всплыла старая легенда. Легенда о драконе Ичиги. Она была почти забыта, похоронена под грудой повседневных забот и обязанностей, но сейчас, в этот сумеречный час, на границе дня и ночи, она вернулась с новой силой, яркая, живая, трепещущая, словно птица, выпущенная из клетки.

Эту легенду рассказывала Белле её няня, старая, добрая женщина с морщинистыми, натруженными руками, которые пахли лавандой, свежим хлебом и еще чем-то неуловимо домашним, уютным, родным. Она говорила таинственным, приглушенным шепотом, склонившись к самому уху маленькой Беллы, и та, затаив дыхание, слушала историю, которая казалась ей самой прекрасной и самой страшной из всех, что она когда-либо слышала. Историю о могущественном и прекрасном драконе, чей рев сотрясал горы до самого основания, заставляя камни срываться с вершин, а чьи крылья, раскинутые в полете, могли затмить солнце, погружая землю во мрак.

Легенда гласила, что Ичиги был не просто зверем, не просто чудовищем, порожденным силами зла. Он был проклят, или, быть может, благословлен — в разных версиях легенды, которые слышала Белла в разное время и от разных рассказчиков, говорилось по-разному, и эта неопределенность лишь добавляла истории загадочности, — и с заходом солнца его чешуйчатое, покрытое броней тело менялось. Острые когти, способные разрывать скалы, втягивались, исчезали, уступая место изящным человеческим пальцам. Ужасающие клыки, способные сокрушать кости, таяли, сменяясь ровным рядом белых зубов. Могучие перепончатые крылья, способные поднять его в поднебесную высь, складывались и втягивались в тело, а на их месте появлялись широкие, мускулистые плечи. Его ужасающая чешуйчатая шкура, переливавшаяся всеми оттенками стали и серебра, превращалась в гладкую, смуглую кожу, а на месте звериной морды с горящими, словно угли, глазами появлялось человеческое лицо.

Но не просто лицо, а лицо мужчины. Мужчины, чья красота, говорила няня, была столь же опасна, сколь и его драконий облик. Она была не той мягкой, приятной красотой, что радует глаз и согревает душу, а красотой дикой, хищной, первобытной, пугающей и притягательной одновременно. Его глаза, говорила няня, сохраняли цвет расплавленного серебра, а в глубине их, если долго всматриваться, все еще можно было увидеть отблеск драконьего пламени, тлеющий, но не угасший до конца. В его движениях, даже в человеческом обличье, чувствовалась звериная грация и сила, таящаяся в каждом мускуле, готовая вырваться наружу в любой момент.

Каждую ночь, в этом человеческом обличье, Ичиги спускался с гор в долины. Он бродил по деревням и городам, невидимый и неузнанный, сливаясь с толпой, становясь одним из многих. Он заходил в таверны и на постоянные дворы, слушал разговоры простых людей, наблюдал за их жизнью, но его глаза, серебряные, с отблеском пламени, оставались холодными и безучастными. Его поиски были бесконечны, ибо то, что он искал, было невероятно редким, почти невозможным. Его сердце, холодное, как ледники его родных вершин, не могло согреться ни теплом очага, ни жаром вина, ни страстью случайных связей.

Он искал ту единственную, способную покорить его сердце. Не просто понравиться, не просто вызвать мимолетный интерес, а именно покорить, подчинить себе, заставить биться чаще это древнее, уставшее от одиночества сердце. Женщину, чья душа была бы столь же сильна, сколь и его собственная, чей дух не сломился бы ни от его звериной мощи, ни от его человеческой красоты, ни от ужасающей правды о его двойственной природе. Ту, что смогла бы полюбить и дракона, и мужчину в одном существе, приняв его целиком, со всеми его противоречиями и тайнами. Лишь тогда, говорила няня, проклятие падет, и Ичиги обретет покой, выбрав одну форму навсегда. Лишь тогда он сможет остаться либо человеком, либо драконом, но уже не будет разрываться между двумя сущностями.

Белла тогда слушала, затаив дыхание, широко раскрыв глаза, и в её детском воображении рисовались яркие, живые картины: битвы с драконом, его полеты над заснеженными вершинами, его одинокие скитания по ночным городам и, конечно же, великая, всепобеждающая любовь, которая должна была растопить лед его сердца. Она представляла себя на месте той неизвестной женщины, которой суждено было покорить Ичиги, и эти фантазии наполняли её сердце сладким, щемящим трепетом.

Но потом она выросла. Легенды поблекли, уступив место реальности — политике, долгу, бесконечным обязанностям, одиночеству. Она узнала, что жизнь — это не сказка, что чудес не бывает, что счастье, даже если оно существует, измеряется не великими подвигами и страстями, а тихими, незаметными радостями, которых она, по правде говоря, тоже была лишена. И вот сейчас, глядя на темнеющие, сливающиеся с ночным небом горы, она снова почувствовала этот давно забытый, почти забытый трепет. А что, если легенда — не просто сказка, не просто выдумка старух, не просто плод народной фантазии? Что, если где-то там, среди этих скал, в одной из этих пещер, действительно обитает существо, столь же одинокое, как и она сама? Существо, чья душа мечется между двумя сущностями, не находя покоя, точно так же, как её собственная душа мечется между долгом и желанием свободы?

Эта мысль была абсурдной, безумной, противоречащей всякой логике и здравому смыслу. Она заслуживала лишь усмешки, ироничного пожатия плечами, снисходительного покачивания головой. Но Белла не усмехнулась. Вместо этого она почувствовала, как внутри неё, где-то глубоко под слоем королевского достоинства, под толщей взращенной годами сдержанности, под коркой привычек и условностей, что-то дрогнуло. Это было не просто тоска, не просто меланхолия, свойственная, как говорят, всем поэтам и мечтателям. Это был бунт. Настоящий, яростный, всепоглощающий бунт против этой золотой клетки, против предопределенности, против жизни, которая была расписана на годы вперед, как расписание королевских приемов. Против жизни, в которой не было места ни чуду, ни приключению, ни подлинной страсти.

Скука, накопившаяся за двенадцать лет, стала невыносимой. Она переполнила чашу её терпения, и теперь эта чаша пролилась, затопив собой все доводы рассудка, все страхи, все сомнения. Жажда приключений, долгое время подавляемая, стала жгучей, физической потребностью, сродни жажде умирающего в пустыне, который бредит глотком прохладной воды. Она смотрела на горы, и ей казалось, что они зовут её, манят, шепчут её имя на языке ветра и камня, на языке, который понятен лишь тем, кто готов услышать. Долг, ответственность, корона, судьба королевства, мнение совета — все это вдруг показалось таким ничтожным, таким мелким, таким неважным по сравнению с этой зовущей, манящей, затягивающей бездной.

Белла отошла от окна резким, решительным движением, словно отрывая себя от магнита, и направилась вглубь своих покоев. Её шаги были быстрыми, целеустремленными, лишенными той плавной, величественной грации, к которой так привыкли все обитатели дворца. Она знала, что ей нужно, и знала, где это найти. В потайном ящике старого, разошедшегося комода, стоящего в самом дальнем и темном углу спальни, за стопкой расшитых золотыми нитями платков, которые она никогда не носила, хранились вещи, о существовании которых не знала ни одна живая душа.

Это были простой дорожный плащ из грубой, колючей серой шерсти и пара крепких, разношенных кожаных ботинок. Эти вещи остались у неё с тех далеких, почти забытых времен, когда она, будучи юной, любопытной, жаждущей жизни принцессой, тайком, переодевшись, выбиралась в город с одной из своих фрейлин, такой же юной и безрассудной. Они бродили по рынкам, слушали уличных музыкантов, пробовали запретные сладости, и эти вылазки были глотком свободы, который помогал ей выживать в душной атмосфере дворца. Но потом фрейлину отослали, отправили в далекую провинцию, выдав замуж за нелюбимого старика-губернатора, а вылазки прекратились. Остались лишь эти вещи, спрятанные в тайнике, как напоминание о другой, возможной жизни.

Достав плащ, она поднесла его к лицу и вдохнула его запах. Грубая, колючая ткань пахла пылью, старыми воспоминаниями, а еще — едва уловимо — свободой. Свободой, которая когда-то была ей доступна, а потом была отнята. Этот запах был запахом другой жизни, жизни, полной неизвестности, риска, но и полной жизни, а не этого мертвенного, музейного существования.

Сбросив с себя тяжелое королевское платье, которое с глухим шорохом упало на пол, словно сброшенная кожа, она надела простую льняную рубашку и темные, грубые штаны — вещи, которые были скрыты в том же тайнике вместе с плащом и ботинками. Стянув волосы в тугий, небрежный узел на затылке, она накинула плащ, натянула ботинки и подошла к большому, в полный рост, зеркалу в тяжелой раме из темного серебра.

Из зеркала на неё смотрела не королева Белла Прекрасная, не правительница, не символ власти, а просто молодая женщина с бледным, осунувшимся лицом и лихорадочно блестящими глазами. Взгляд её был полон решимости, смешанной со страхом, и в этом взгляде было что-то такое, чего она не видела в себе уже очень давно. Это была решимость отчаяния, решимость человека, который стоит на краю пропасти и готов шагнуть в неизвестность, потому что остаться на месте больше невозможно.

Она делала то, что было невыносимо. Она собиралась покинуть дворец. Не как королева, отправляющаяся в официальную поездку, не как гостя, приглашенная в соседнее королевство, а как беглянка, как преступница, нарушающая все мыслимые и немыслимые законы и правила. Она собиралась сбежать от своей жизни, от своей судьбы, от самой себя прежней.

План, родившийся в её голове всего лишь мгновение назад, был прост и безумен одновременно. Он был настолько прост, что не оставлял места для сомнений, и настолько безумен, что любой здравомыслящий человек счел бы его самоубийственным. Она знала потайной ход, ведущий из королевской библиотеки прямо за внешнюю стену дворца. Им пользовались в древние времена для эвакуации монарха в случае внезапной осады, когда враг уже врывается в ворота, а спасения не было. Ход был давно заброшен, завален паутиной, в нем, возможно, обрушилась часть свода, а пол был покрыт скользким слоем вековой пыли и плесени, но идти

было недалеко, и, если верить старинным чертежам, он вел прямо к подножию внешней стены, туда, где начинались густые заросли дикого кустарника.

Она проберется туда, выйдет за пределы дворца, наймет лошадь в ближайшей деревне, где её, в этом простом одеянии, вряд ли кто узнает, и направится к горам. Она не знала, что будет делать дальше, как она будет искать дракона и что скажет ему, если найдет. Это казалось невыполнимым, но желание, подгонявшее её, было сильнее страха, сильнее благоразумия, сильнее самой себя.

Она шла через спящий дворец, словно тень, словно призрак, словно та, кем она была сейчас — не существом, а лишь намерением, воплощением решения. Коридоры, залитые лунным светом, казались еще более пустынными и величественными, чем днем. Лунный свет, проникавший сквозь высокие окна, рисовал на полу и стенах причудливые узоры, похожие на кружево или на паутину, сотканную из серебра. Она знала каждый поворот, каждую скрипучую половицу, каждый темный угол, где могла бы спрятаться, и ступала бесшумно, как кошка, обходя опасные места, где её шаги могли бы разбудить спящих слуг или привлечь внимание стражи.

Наконец, она достигла двери в библиотеку. Массивная, обитая медью, украшенная замысловатой резьбой, она была заперта на тяжелый, ржавый засов. Белла знала, где хранится ключ — в кабинете главного библиотекаря, в ящике его письменного стола, — но у неё не было времени на то, чтобы пробираться туда, рискуя быть замеченной. Применив силу, которой она в себе даже не подозревала, она с трудом отодвинула засов, молясь всем богам, чтобы этот звук не привлек внимания стражников, которые, она знала, каждые четверть часа совершали обход этой части дворца. Металл заскрежетал, протяжно, неприятно, и этот скрежет показался ей громче пушечного выстрела. Она замерла, обратившись в слух, сердце её бешено колотилось, а кровь стучала в висках, заглушая, казалось, все остальные звуки. Тишина. Только тишина, нарушаемая лишь стрекотом сверчка где-то в саду за окном.

Проскользнув внутрь, она очутилась в царстве книг. Запах старой бумаги, кожи, пергамента, смешанный с запахом воска от давно погасших свечей и едва уловимым ароматом сухих трав, разложенных по полкам для отпугивания насекомых, окутал её, словно облако. Стеллажи уходили вверх, в темноту, теряясь из виду, образуя узкие, похожие на ущелья проходы, в которых, казалось, можно было заблудиться. Лунный свет лился сквозь витражные окна, окрашивая пол в синие, зеленые, красные и золотые тона, создавая иллюзию подводного царства.

Потайной ход был скрыт за стеллажом с древними летописями, самыми старыми и пыльными книгами во всей библиотеке, которые, как она подозревала, никто не открывал уже несколько столетий. Белла нащупала выступ в стене, о котором знала из старых чертежей, которые однажды случайно обнаружила, роясь в королевском архиве в поисках сведений о своей родословной. Выступ был почти незаметен, скрыт в тени, отбрасываемой соседним стеллажом, и, если бы она не знала о его существовании, то никогда бы его не нашла.

Она надавила на выступ. Раздался тихий, едва слышный щелчок, и часть стеллажа, казавшаяся монолитной, отъехала в сторону, открывая черный, зияющий зев прохода, из которого пахло холодом, сыростью и чем-то древним, затхлым, могильным. На мгновение её решимость поколебалась. Что она делает? Она, королева, обученная лишь повелевать, но не выживать, не сражаться, не ориентироваться в дикой местности, лезет в неизвестность, навстречу

ночным опасностям, подгоняемая лишь детской сказкой, легендой, которая, скорее всего, не имеет под собой никакой реальной основы?

Но затем образ удушающе-золотого тронного зала, монотонных голосов советников, бесконечной череды однообразных, пустых дней встал перед её мысленным взором, и она поняла, что не может, не имеет права отступить. Скука и отчаяние, как два голодных, безжалостных пса, грызли её душу, и единственным спасением от них был этот шаг в темноту, этот прыжок в неизвестность. Лучше встретиться с реальной опасностью в этих темных горах, лучше погибнуть от когтей дикого зверя или от холода, чем еще один день, еще один час, еще одну минуту томиться в этой великолепной, но безжизненной клетке.

Сделав глубокий вдох, который был похож на прыжок в ледяную воду, она шагнула в темноту потайного хода. Стеллаж с тихим, почти неслышным шорохом закрылся за её спиной, отрезав путь назад, отрезав её от прошлой жизни, от всего, что было ей знакомо и привычно. Белла осталась в полной, кромешной, абсолютной тьме. Тьма эта была настолько плотной, что, казалось, её можно было потрогать руками. Она давила на глаза, на уши, на все органы чувств, создавая ощущение полной изоляции, полного отчуждения от мира. Теперь у неё не было иного выбора, кроме как идти вперед.

Проход был узким и низким. Ей приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой о каменные своды, с которых свисала липкая, противная паутина, цепляющаяся за лицо и волосы. Под ногами хлюпала вода, холодная и грязная, просачивающаяся сквозь трещины в камнях. Воздух был тяжелым, спертый, пропитанным запахом гнили, плесени и какой-то древней, вековой затхлости. Каждый её шаг отдавался гулким эхом, которое, отражаясь от стен, создавало иллюзию того, что за ней кто-то крадется, кто-то невидимый, бесшумный, неотступно следующий по пятам. Она шла, выставив вперед руки, нащупывая путь, ожидая в любой момент наткнуться на препятствие или на бездонную пропасть. Сердце её бешено колотилось, дыхание стало прерывистым, а плащ то и дело цеплялся за острые выступы стен, словно невидимые руки пытались удержать её, вернуть назад.

Путь казался вечностью. Время в этом подземном лабиринте остановилось, потеряло всякий смысл. Она не знала, сколько времени прошло — несколько минут или несколько часов. Ей казалось, что она идет уже целую вечность, что этот коридор бесконечен, что он ведет в никуда, в самое сердце тьмы. Пару раз она спотыкалась о камни, выпавшие из кладки, и едва не падала, но каждый раз, в последний момент, ей удавалось удержать равновесие, оперевшись о склизкую, влажную стену. Страх сжимал горло ледяными пальцами, но мысль о возвращении была еще страшнее. Вернуться значило признать свое поражение, значило снова надеть на себя золотые оковы, значило навсегда похоронить мечту о свободе.

Наконец, впереди забрезжил слабый, едва уловимый свет. Сначала она подумала, что ей это мерещится, что это обман зрения, вызванный долгим пребыванием в темноте. Но, сделав еще несколько шагов, она убедилась, что свет был реальным. Это был свет луны, проникающий сквозь решетку, закрывавшую выход из туннеля. Он был тусклым, серебристым, но после кромешной тьмы казался ослепительным, подобным сиянию полуденного солнца.

Собрав последние силы, она добралась до выхода и, упершись плечом в ржавую, погнутую решетку, с огромным трудом, напрягая все свои мышцы, сдвинула её в сторону. Свежий, прохладный ночной воздух ворвался в её легкие, и это было лучше любого благовоения, лучше

любого вина, лучше всего, что она когда-либо пробовала. Она сделала несколько жадных, глубоких глотков, выпрямляясь в полный рост, расправляя затекшие плечи. Она была свободна.

Она стояла у подножия внешней стены дворца, со стороны, покрытой диким, колючим кустарником. Здесь, в этом месте, редко кто бывал, и она могла не опасаться быть замеченной. Впереди, в нескольких сотнях метров, начинался темный, дремучий лес, казавшийся в лунном свете еще более таинственным и пугающим. А за ним, все еще далекие, но уже такие близкие, вздымались к небу горы, залитые призрачным, серебристым лунным светом. Вершины их, покрытые вечными снегами, казались острыми клыками, вонзившимися в усыпанное звездами небо. Где-то там, в этой каменной пасти, по легенде, обитал дракон.

Белла оглянулась на дворец. Огромный, величественный, он казался спящим исполином, погруженным в глубокий, безмятежный сон. Ни одно окно не горело. Никто не заметил её исчезновения. Она была свободна. Или, по крайней мере, ей так казалось. Она знала, что свобода эта иллюзорна, что утром её хватятся, начнут искать, и тогда... Но она запретила себе думать об этом. Сейчас, в этот момент, она была свободна, и это было единственное, что имело значение.

Накинув на голову капюшон, чтобы скрыть лицо, она, повинуясь внезапному, необъяснимому порыву, не пошла в сторону деревни, как планировала изначально. Желание идти именно к горам, к самому сердцу легенды, было настолько сильным, что заглушало голос разума, голос осторожности, голос благоразумия. Она не искала лошадь. Она просто пошла через лес, в направлении далеких вершин, ведомая зовом, который был сильнее её самой, зовом, который, казалось, исходил из самой земли, из самых глубин её существа.

Ночной лес встретил её тишиной и шорохами. Ветви деревьев, похожие на костлявые руки скелетов, тянулись к ней, цепляясь за плащ, царапая лицо и руки. Где-то вдалеке ухнул филин, и от этого звука, пронзительного и жутковатого, по коже побежали мурашки. Где-то в кустах зашуршало, и Белла замерла, прислушиваясь, но звук не повторился. Это мог быть кролик, лиса или кто-то еще, но воображение, разгоряченное легендой и ночной прогулкой, рисовало картины одну страшнее другой.

Но страх теперь был другим — не липким ужасом перед неизвестностью, который она испытывала в потайном ходе, а захватывающим дух волнением первооткрывателя, вступающего на запретную территорию. Это был страх перед чем-то новым, неизведанным, но не перед тем, что могло ей навредить, а перед тем, что могло изменить её жизнь навсегда. И этот страх был ей сладок.

Она шла сквозь ночь, и каждый шаг уводил её все дальше от золотой клетки, от её долга, от её прошлой жизни. Она, королева, чьи руки знали лишь шелк и бархат, продиралась сквозь колючие заросли ежевики, царапая ладони до крови, и перепрыгивала через корни деревьев, выступающие из земли, словно вены гигантского спящего существа. Её лицо царапали ветки, ботинки промокли от росы, а подол плаща был покрыт слоем лесной грязи. Но сердце, впервые за долгие, бесконечно долгие годы, пело от свободы.

Она не знала, что ждет её впереди. Возможно, лишь разочарование и холод. Возможно, она заблудится и погибнет в этих лесах, став добычей диких зверей. Возможно, её схватят и вернут во дворец, где её ждет суровое наказание. Но даже эти мысли не могли погасить огонь, разгоравшийся в её душе. Жажда приключений, подавляемая годами, вырвалась наружу,

и теперь она, подобно лесному пожару, сметала все преграды на своем пути — благоразумие, страх, чувство долга, привычки, условности.

Взошла луна, огромная, желтая, словно спелая тыква, заливая лес своим серебристым светом. Белла остановилась на небольшой поляне, чтобы перевести дух и оглядеться. Она подняла голову к небу, и тысячи звезд, ярких, холодных, мерцающих, смотрели на неё, словно удивляясь её дерзости. Она, рожденная во дворце, никогда не видела такого неба — бездонного, бескрайнего, усыпанного драгоценными камнями, словно парадная мантия небесного короля. Это зрелище, наполненное дикой, первозданной красоты, укрепило её решимость. Она почувствовала себя крошечной, но в то же время частью чего-то огромного, вечного, непостижимого.

Она продолжила свой путь. Горы приближались медленно, неохотно, словно испытывая её стойкость, словно проверяя, насколько сильно её желание. Но с каждым шагом их зов становился все сильнее, все отчетливее, заглушая все остальные звуки леса. Это был не голос, не звук, а скорее ощущение, вибрация, исходившая от самой земли, проникавшая сквозь подошвы ботинок, поднимавшаяся по ногам, по позвоночнику, достигая самого сердца. Она чувствовала, что идет правильно, что её путь предначертан, что легенда, старая и почти забытая, начинает оживать, сплетаясь с её собственной судьбой в единый узор.

Ночь была долгой, полной испытаний. Белла не привыкла к таким нагрузкам, её тело ныло от усталости, мышцы болели, а ноги, казалось, налились свинцом. Но дух её был непреклонен, а воля — негибаема. Она шла, спотыкаясь, падая, поднимаясь, отряхиваясь от грязи, и снова шла вперед. Её королевское достоинство, её гордость, её высокомерие остались где-то далеко позади, в золотых залах дворца, погребенные под тяжестью её бегства. Здесь, в этом диком месте, она была просто путницей, одержимой безумной надеждой, просто женщиной, ищущей свою судьбу.

Надеждой на то, что где-то среди этих суровых гор она найдет нечто большее, чем просто приключение. Она найдет того, кто, возможно, так же одинок, как и она. Того, чье сердце, холодное, как лед, ждет, чтобы его растопили. Того, кто, как и она, мечется между двумя мирами, не принадлежа ни одному из них полностью. Она искала дракона, и, возможно, сама того не осознавая, искала саму себя, ту Беллу, которая была погребена под тяжестью короны, ту Беллу, которая когда-то, в далеком детстве, верила в сказки и мечтала о великой любви. Ту Беллу, которая, как ей казалось, была потеряна навсегда. Но теперь, в эту ночь, среди дикого леса, под бескрайним звездным небом, она чувствовала, что эта Белла начинает возрождаться, медленно, неуверенно, но все же возрождаться, подобно фениксу, восстающему из пепла. И это возрождение было самым прекрасным и самым пугающим из всего, что она когда-либо испытывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.